

Глава 33. Вчерашний день

Янь Цзюнь бросил на него мимолётный взгляд и указал на едва заметную деталь в углу картины. Там, среди густых зарослей первозданного леса, притаился маленький мальчик. Он обхватил ствол дерева и с любопытством выглядывал наружу. Ребёнок был очарователен: кожа белая, точно первый снег, черты лица тонкие и изящные, а во взгляде читалась необычайная живость.

— Это я.

Мальчик был вписан в композицию настолько искусно, что если бы не подсказка Янь Цзюня, Лу Ци никогда бы его не заметил. Однако кисть художника была здесь особенно точна и нежна — в каждом штрихе чувствовалась безграничная отцовская любовь.

Лу Ци не удержался от вопроса:

— А от чего умер твой отец?

Янь Цзюнь изменился в лице. В его взгляде промелькнуло восхищение, смешанное с горькой печалью.

— Из-за матушки, — он провёл пальцем по каллиграфической надписи рядом с рисунком и негромко перевёл: — «Остаток жизни моей, тридцать лет пути, плоды всех трудов моих — всё кладу к алтарю божества нашего, жертвуя дух и душу. Лишь об одном молю: дай видеться с женою возлюбленной во все веки вечные».

— Не думай, что это просто красивые слова, — продолжил Янь Цзюнь, вглядываясь в сильные, уверенные росчерки туши. — Это обещание Бога-шамана Южного Синьцзяна. Его клятва.

Перед глазами Янь Цзюня невольно возник образ того великого человека, чья воля была незыблема, точно гора.

— Моя мать была изнеженной имперской принцессой. Она преодолела тысячи ли, чтобы добраться до Южного Синьцзяна, но так и не смогла привыкнуть к нашему климату. Отец перепробовал всё, что было в его силах, но когда мне исполнилось восемнадцать, она скоропостижно скончалась. Отец обнял её, прилёг под Древом долголетия, закрыл глаза и больше не проснулся. Я помню, как в тот день Горы Десяти Тысяч Вершин содрогались от бесконечного плача. Тогда я был слишком мал и не понимал почему. Лишь позже, когда я принял титул главы племени Хэси, я осознал: это случилось потому, что Бог-шаман, равных которому не рождалось сотни поколений, исполнил свой обет. Он ушёл в расцвете сил, вслед за своей любовью.

Лу Ци слушал, невольно пытаясь представить себе отца Янь Цзюня. Одна эта картина говорила

о его характере больше любых слов: его страсть к жене была подобна бушующему пламени, которое не залить водами всех рек мира, а любовь к сыну — глубокой и сдержанной, непоколебимой даже перед лицом конца света. Истинный герой, подпирающий собой небеса.

Лу Ци вдруг понял, почему в клятве говорилось лишь о том, чтобы «видеться». Такому мужчине достаточно было лишь встретить свою возлюбленную, и он уже никогда бы её не отпустил.

Янь Цзюнь мягко улыбнулся. Черты его лица разгладились, в них воцарилось умиротворение. Освещённый мягким светом, он казался живым отражением той нежной женщины на картине, словно они вели безмолвный диалог сквозь десятилетия. Лу Ци на мгновение замер, замороженный этим зрелищем.

Янь Цзюнь смотрел на портрет, а в мыслях шептал:

«А-нян, я покинул родные края и не сумел исполнить наказ отца. Зато я выполнил твою просьбу — защищаю тех, кого хочу защитить, делаю то, что велит сердце, и люблю того, кого выбрал сам. А вот прогнать этого невыносимого и настырного мужчину, как ты просила... тут уж прости, сын бессилен».

«У меня началась новая жизнь. Всё с чистого листа. И я — в пути».

Он с облегчением усмехнулся и осторожно свернул свиток, убирая его обратно в футляр.

Лу Ци вдруг прервал тишину:

— Как вернёмся домой, повесим матушку на самое видное место.

Янь Цзюнь: —...

Он не знал, смеяться ему или плакать, поэтому просто отвесил Лу Ци пинок. Впрочем, при этом он неосторожно потянул поясницу и скорчился, гневно посмотрев на него:

— Что за чушь ты несешь!

Лу Ци со смехом подхватил его под руки. Одной ладонью он принялся разминать ему поясницу, а другой приподнял за подбородок, вовлекая в интимный поцелуй. Затем, прижавшись лбом к его лбу, прошептал:

— Пусть тёща знает, как я усердно забочусь о её драгоценном сыне. Чтобы он, так сказать, на седьмом небе от счастья был.

Янь Цзюнь представил себе эту картину: он и Лу Ци занимаются... «этим» прямо на глазах у матери... Его пробрала дрожь.

Лу Ци, конечно, просто дразнил его. К тому же, вспоминая о могуществе тестя, он и сам чувствовал холодок вдоль позвоночника при мысли о том, чтобы проявлять неуважение перед его творением.

Вскоре Лу Ци снова озаботился:

— Портрет матушки... может, стоит заказать герметичный бокс с климат-контролем? Для сохранности.

— Не нужно, — отмахнулся Янь Цзюнь. — Тот фанатик любви пропитал бумагу таким количеством составов, что, пока ты не засунешь её в шредер, с ней ничего не случится.

Договорив, он вдруг почувствовал неладное и прищурился, разглядывая Лу Ци.

— И когда это ты успел так быстро войти в роль зятя?

Лу Ци процитировал:

— «Вчерашний день остался в прошлом, точно прах...»

Янь Цзюнь:

— Говори по-человечески.

Лу Ци:

— Ты вчера ночью так сладко звал меня мужем, что грех не соответствовать.

Янь Цзюнь:

—... Твою мать, Лу Ци! Ты ещё смеешь это вспоминать!

Проклятье, этот мужчина с его вечными сальностями просто невыносим!

Из-за состояния Янь Цзюня им пришлось задержаться на вилле ещё на одну ночь. Лишь после этого они вылетели в столицу. Впрочем, весь полёт Янь Цзюнь просидел боком, стараясь не тревожить больное место.

Поездка в Город S оказалась на редкость продуктивной. Они не только раскрыли масштабный заговор, но и добыли один из трёх ключевых ингредиентов для исцеления от Гу. А главное — их отношения с Лу Ци развивались стремительно. Янь Цзюнь окончательно решил переехать к нему.

Однако когда он зашёл в общежитие, чтобы собрать вещи, его состояние не укрылось от намётанного глаза соседа по комнате — лучшего студента факультета судебной медицины.

Студент-криминалист окинул его взглядом и вынес вердикт:

— Хм... Весьма интенсивно.

Янь Цзюнь, едва переступив порог, замер в недоумении:

— А?

Сосед, чей взгляд был остр, как скальпель, уставился на его поясницу:

— Остаточные явления налицо. Нарушение моторики, характерная осанка.

Янь Цзюнь наконец всё понял и густо покраснел.

Лу Ци, зашедший следом, чтобы помочь с чемоданами, сохранил абсолютное спокойствие и вежливо кивнул соседу. Тот явно оценил его по достоинству. Он оглядел Лу Ци тем самым нежным взглядом, каким смотрят на редкий, с трудом добытый анатомический образец:

— Столп веры. Монументальное зрелище.

Лу Ци: —...

Янь Цзюнь: —...

Как выяснилось, даже искушённый в деловых интригах господин Лу не был ровней асу судебной медицины.

Когда они наконец загрузили чемоданы в машину, оба всё ещё чувствовали себя не в своей тарелке. Лу Ци про себя порадовался, что вовремя забирает «жену» — от такого окружения

недолго и самому стать странным.

Лу Ци планировал посвятить время укреплению их союза и ещё паре жарких ночей, но реальность оказалась суровее. На третий день после возвращения ему пришлось срочно вылететь за границу вместе с помощником Чэнем для решения дел компании. Перед самым отъездом он всё же затащил Янь Цзюня в постель — под предлогом «запасться впрок».

В итоге Янь Цзюнь, у которого старые раны ещё не зажили, а новые уже горели огнём, не успел даже мысленно истыкать Лу Ци иголками, как пришла расплата за старые грехи. Неделю назад он подбросил Дэн Анцзэ «бомбу» в виде новых данных, из-за чего тот не смыкал глаз больше семи дней, перекусывая прямо за рабочим столом. Теперь же, когда бумаги из верхов были подписаны, Дэн Анцзэ явился за ним лично.

Поначалу Янь Цзюнь пытался отнекиваться, мол, спина болит, нужен отгул. Но спустя три часа после звонка машина Дэн Анцзэ уже стояла под окнами. Услышав стук в дверь, Янь Цзюнь открыл и едва не отпрянул. Перед ним стоял мужчина с перекошенным галстуком и измятым воротником. В нём с трудом угадывался некогда безупречный старший брат. Он осунулся, под глазами залегли глубокие тени; его холодная отстранённость сменилась мрачной подавленностью.

Янь Цзюнь округлил глаза:

— Что с тобой случилось?!

Дэн Анцзэ сквозь линзы очков посмотрел на его бледное лицо, задержался на едва заметных отметинах у ворота и опустил взгляд на руку, поддерживающую поясницу.

— Ты, я смотрю, времени зря не терял, — глухо отозвался он.

Янь Цзюню стало не по себе. Он не ожидал, что всего за неделю старший брат дойдёт до такого состояния. Если бы он знал, то пришёл бы на помощь сразу по возвращении. Но теперь оправдываться было поздно. Забыв о ноющей пояснице, он посерьёзnel:

— Дай мне пять минут, я переоденусь.

Янь Цзюнь быстро собрался и вышел к машине. Вид у них был тот ещё: Дэн Анцзэ вёл машину в полуобморочном состоянии, а Янь Цзюнь сидел боком, вцепившись в сиденье. Со стороны они напоминали жертв крупного стихийного бедствия, наглядно иллюстрируя тяготы рабочего класса.

Впрочем, Янь Цзюнь держался лучше. Ему казалось, что Дэн Анцзэ вот-вот спровоцирует аварию из семи машин.

— Старший брат, ты уверен, что можешь вести? Может, вызовем кого-нибудь?

— Ничего, справлюсь, — он на мгновение замолчал. — В научно-исследовательском институте сейчас все в таком виде. Людей катастрофически не хватает.

Янь Цзюнь промолчал. Он понимал, насколько всё серьёзно. Нужно было вскрыть механизм производства нового наркотика, изучить его фармакологию и, что самое сложное, разработать формулу антидота для массового производства. Сейчас в НИИ каждый сотрудник работал за двоих.

— А ты? — Дэн Анцзэ мельком глянул на него. — У вас с Лу Ци всё официально?

— Да, — Янь Цзюнь невольно улыбнулся.

— Как прошла поездка в Город S?

— Удачно. Всё прошло по плану.

— Вот и славно, — Дэн Анцзэ кивнул. — Я уже предупредил профессора Чжана. Как только появится окно, загляни к нему.

— Спасибо, старший брат.

— Пустяки, — Дэн Анцзэ усмехнулся. — Разлучать молодожёнов в медовый месяц — жестоко. Лу Ци, небось, в ярости?

Янь Цзюнь вскинул бровь:

— Вы же с моим Лао Лу с детства не разлей вода. Тебе ли не знать, злится он или нет?

Дэн Анцзэ рассмеялся, и, кажется, немного пришёл в себя. Янь Цзюнь всю дорогу не умолкал, стараясь заговорить старшего брата, чтобы тот ненароком не уснул за рулём.

Когда они вошли в здание НИИ и миновали контроль, Янь Цзюнь замер. Если раньше работа здесь кипела упорядоченно, то сейчас это напоминало разворошённый муравейник. Сотрудники носились по коридорам, выглядя лихорадочно; на приветствия отвечали коротким кивком, не замедляя шага.

Дэн Анцзэ повёл его напрямик в Лабораторию №1. Стоило им войти, как к ним тут же бросились люди.

— Янь Цзюнь! Откуда ты это притащил?

— Начальник Дэн сказал, ты опознал образец! Как он называется? У тебя есть формула антидота?

Янь Цзюнь едва успевал уворачиваться от наседавших коллег, то и дело хватаясь за поясницу и страдальчески морщась. Наконец толпу растолкал Цянь Вэньцин. Янь Цзюнь облегчённо выдохнул:

— Ты закончил с проектом G8023?

Цянь Вэньцин расплылся в улыбке:

— Нет, осталось пара штрихов. Но пришёл приказ сверху, а эта штука куда интереснее, так что я напросился в помощники к старейшине Чжао.

— Правильно сделал, — Янь Цзюнь одобрительно похлопал его по плечу. — Здесь ты научишься большому.

Цянь Вэньцин воодушевился.

— Значит, у тебя есть решение?!

Янь Цзюнь подмигнул:

— Решение-то есть, вот только боюсь, вам оно не понравится. Его методы... специфичны.

Молодые лаборанты разочарованно вздохнули. В этот момент кто-то негромко усмехнулся. К ним подошёл сухопарый старик с живыми, пронизательными глазами — старейшина Чжао, истинный титан научного мира и глава этого проекта. Янь Цзюнь мгновенно преобразился, приветствуя его с глубочайшим почтением.

Старейшина Чжао был человеком добродушным. Он с силой хлопнул Янь Цзюня по плечу и рассмеялся:

— Ну и парень! За что ни возьмёшься — всё оборачивается делом государственной важности. Твоя находка всколыхнула верхи. Внимание к проекту колоссальное, так что забудь о прогулках — теперь ты наш главный актив.

Янь Цзюнь криво усмехнулся: он понимал, что отвертеться не удастся.

— Я уже подготовил список необходимых компонентов. Некоторые редкие травы мне придётся раздобыть лично.

— Исключено, — внезапно вмешался Дэн Анцзэ.

Янь Цзюнь удивлённо посмотрел на шисюна:

— Но я лучше всех знаю среду их обитания и сами растения! Любой другой потеряет массу времени. Это моя обязанность.

— Это не моё решение, а распоряжение руководства, — Дэн Анцзэ пристально посмотрел на него. — У тебя есть куда более важная задача. И она лежит за пределами этого института.

Янь Цзюнь опешил. Заметив, что старший брат не намерен обсуждать это при свидетелях, он подавил любопытство и с напускным вздохом обратился к старейшине Чжао:

— Видите, старейшина? Я всей душой рвусь в бой, но организация не пускает!

Старейшина Чжао в шутку погрозил ему пальцем:

— Ах ты, хитрый лис!

Лаборанты быстро разошлись по своим местам. Дэн Анцзэ увёл Янь Цзюня и ядро исследовательской группы в малый конференц-зал. Янь Цзюнь выложил на стол список лекарственных средств, подготовленный им ещё во время конференции.

Старейшина Чжао первым взял лист. Он долго и придирчиво изучал каждую строчку, после чего задумчиво произнёс:

— Некоторых названий я даже не слышал. А что насчёт фармакологических свойств? Каков механизм действия?

— С поиском проблем не будет, я точно знаю ареалы произрастания. Опишу всё подробно. С нынешними технологиями это не станет препятствием. А вот что касается свойств... — Янь Цзюнь безнадёжно развёл руками. — Тут я бессилен. Я не знаю механизма их действия с точки зрения современной науки.